

Міністерство освіти та науки України
Житомирський державний університет імені Івана Франка
Навчально-науковий інститут філології та журналістики
Кафедра теорії та історії світової літератури

Дипломна робота спеціаліста

**«БЛОКОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ЖИВАГИНА»**

Виконала: студентка V курсу 54 групи
Сандалюк Олександра Андріївна
Напрямок підготовки (спеціальність)
7.02030302 Мова і література (російська*)
Додаткова спеціальність:
7.02.030302 Мова і література (англійська)

Науковий керівник:
доктор філологічних наук, професор
Володимир Олегович Єршов

Житомир – 2014

П Л А Н

Вступление.

Русскоязычная поэзия Житомирщины.

Течения, направления, стили 3

Глава I

1.1. Творчество Игоря Живагина в контексте литературной критики и русскоязычной поэзии Житомирщины 8

1.2. Восприятие и интерпретация блоковской поэтики в творчестве житомирянина 16

Выводы к первой главе 33

Глава II

2.1. Александр Блок как потерн и идеал творчества И. Живагина ... 34

2.2. Особенности художественного воплощения и интерпретации поэзии Александра Блока Игорем Живагтным 46

Выводы ко второй главе 57

Общие выводы. Поэзия Игоря Живагина – вершина русскоязычной поэзии Житомирщины 1980–1990-х 58

Список использованной литературы 60

Вступление.

Русскоязычная поэзия Житомирщины. Течения, направления, стили.

Развитие русскоязычной литературы, в т.ч. поэзии Житомирщины можно условно разделить на три больших периода. Первый охватывает времена второй половины XVII ст. по XVIII ст. Второй длился с 1793 г. по 1920 г. Но особое внимание мы уделим именно третьему периоду и его представителям 1980–2000 гг., так как именно этот период рождает большинство литературных дискуссий и множество современных критиков уделяли этому периоду особое внимание. Все три периода оказали сильное влияние на развитие современной литературы, а последний период стал его кульминацией. С течением времени перед поэтами открывались все новые темы и краски, которые постепенно превращали всю палитру в еще более безграничное море новых идей. Во все времена поэзия являлась неотъемлемой частью литературы. Разнообразие поэзии 90-х – это результат освобождения, а точнее, легализации андеграунда, которое произошло во всех видах искусства, одновременно это снятие запрета, которое расширяло творческие горизонты. Однако в этом процессе, эксперименты с лексикой и тематикой не имело устойчивых границ, значительно утончился слой эlegantности, не говоря уже об интеллектуальности мало присущей 2000-м годам. В 80-х годах, учитывая политическую ситуацию в обществе, чувствовалась повышенная ирония. В то время литература должна была служить инструментом идеологии для привития искусственного интеллекта, противоречия творящей личности и власти ограничивало её творческие формальные поиски, и творец – поэт направлял своё творчество в духовный мир, это было альтернативой присутствию врага.

В начале 90-х, когда идеологический оппонент ассимилируется, становится менее конкретным, возникает ситуация, когда поэт, оставшись в одиночестве, продолжает «бой с тенью». Поэзия все больше углубляется в личностное. В ней не звучат, как в 80-е исторические мотивы, а те которые

изредка встречаются в текстах, в основном имеют характер внешних элементов.

Поэзия 90-х в смысле освобождения, кажется, достигла идеала. Однако с приближением к идеалу, это освобождение привело к возможной самоизоляции. Не маловажно весомость сказанного, поэтического слова без фальши открывает в забытой пещере бытия окно в небо. Относительность всего помогает почувствовать иронию поэзии. Она привлекает нас именно тем, что настраивает нас на гармонию и лад, открывает нам мир с другой, еще не известной стороны. В сравнении поэзии 80-х и 90-х годов не может быть знаков плюс или минус, они слишком разные, не только потому, что становится менее уютно от перенаселения, миграции и заметной деградации. Можем сказать, что поэзия иллюстрирует весь комплекс проблем, которые связаны с потерей веры в национальный и личностный идеал. Именно этой потерей мы объясняем основные мотивы и темы поэзии 90-х: безнадежность, утрата веры, фатализм, одиночество, и как итог, агрессивность и жестокость утверждений, категоричность суждений, сарказм и неуверенность в себе. Это свидетельствует о том, что человек не просто теряет мечту, а и осознает невозможность приобретения веры в осуществление мечты, вызывает тотальное ощущение одиночества и незащищенности человека в мире. Основной эмоциональной чертой современной поэзии является горечь за чем то утраченным. Ощущение собственной неполноценности, незавершенности приводит человека в тупик и каждый из современных авторов раскрывает тему горечи по своему, объясняет её различными причинами, по разному называет и ищет разные пути её компенсации.

Ярким лейтмотивом поэзии 90-х годов является тема одиночества. Вопреки природности возникновения чувства одиночества, впоследствии известных социально – экономических условий развития общества на протяжении последних десяти лет и поставленного ими кризиса общественного и индивидуального сознания выхода этого мотива, специфика осознания и переживания проблемы одиночества в разных поэтических

текстах неодинаковы. Ощущение одиночества свидетельствует о том, что лирический герой еще не нашел своего места в общей картине мира, не сформировал внутреннего виденья и понимания жизни, находясь в творческом поиске собственной участи.

Лирический герой приходит к осведомлению неуправляемости существования, бесконтрольности его не одним известным человеку законом, осведомление своей малости и незащищенности. Мотивы одиночества, горечи и безрассудности жизни далеко не новые в мировой литературной традиции, но значение развития литературы в этом направлении, учитывая все социальные и творческие раздражители и условия, которые формируют эту литературу сегодня, очень большое. Культурное пространство некоторым образом хаотично, но настойчиво превращает тот философский, социальный опыт, которым овладела культура на протяжении XX ст., на свой собственный, самостоятельно пережитый и глубоко осознанный. 90-е года в литературе посвящены таким образом, что все более глубокие переживания, осмысления глубинного конфликта между высокими мечтами и реальностью, между патриотической жертвенности и спекуляциями и эту тему, поиску источником этого конфликта, а так же поиску возможных путей его решения на уровне индивидуального сравнения с миром. Сегодня, не обращая внимания на горечь и депрессию, формируются новые системы ценностных установок, способных восстановить утраченное литературой равновесие, происходит самоидентификация литературы в новой социальной ситуации. [20, с. 348]

Поиск собственной идентичности, характерный для всей литературы 90-х годов, есть неполноценным свидетельством того, что литература изменяет свой курс, что свойственно в прошлом притяжении к традициям, которые подпитывают народное осознание, сохраняет основные приобретения, что бы передать их следующим поколениям, не может полностью удовлетворим самих создателей творчества. Проще говоря, 90-е годы это тот момент, когда подсознательные импульсы, интенсивность

которых усиливалась на протяжении всего XX ст., достигал уровня подсознания и нашли свое художественное проявление.

Актуальность работы заключается в том, что тема является интересной и разнообразной, многие критики (И.Дунев, В.Врубоевский, В.Шнайдер) на протяжении многих лет спорят и обсуждают тему, касающуюся русскоязычной поэзии Житомирщины, а именно творчество Игоря Живагина, которое является современной интерпретации, переосмысления, осмысления поэзии Александра Блока.

Цели основные задачи работы – исследовать развитие, творчество основных представителей русской поэзии в Украине, а именно на Житомирщине 1980–1990 годов, творчества Игоря Живагина в частности, в котором образы и мотивы поэзии Александра Блока нашли новые облики. В соответствии с поставленной целью в ходе проведения исследования предполагается решить следующие задачи:

- Рассмотреть творчество Игоря Живагина в контексте литературной критики и русскоязычной поэзии Житомирщины;
- Проанализировать восприятие и интерпретацию блоковской поэтики в творчестве житомирянина;
- Исследовать особенности влияния творчества Александра Блока на лирику Игоря Живагина;
- Выделить особенности художественного воплощения и интерпретации поэзии Александра Блока Игорем Живагиным

Объект работы – русскоязычная поэзия Украины 1980–1990-х годов, её тематика, развитие и проблематика. Блоковские реминисценции в творчестве гения русскоязычной поэзии Игоря Живагина.

Предмет работы – творчество Игоря Живагина, а именно его творческий метод, проблематика его поэзии, затронувшая его творческую душу и влияние поэзии Александра Блока.

Методологическая основа работы. С помощью культурно-исторического метода мы исследуем мир культуры и истории серебряного века, который нашёл воплощение в лирике Александра Блока; системного метода в работе материал систематизирован и логичен; филологического метода мы более детально и точно можем увидеть мастерство поэтов в работе со словом; компаративного метода в работе мы проводим параллели и устанавливаем связи и границы в лирике Игоря Живагина и Александра Блока; биографического метода мы определяем влияние и отображение жизни поэтов в их стихотворениях. Эти методы помогают нам, более детально исследовать развитие русскоязычной поэзии на Украине в частности Житомирщине, на примере творчества Игоря Живагина, в котором поэтика Александра Блока нашла своё перевоплощение.

В работе использован эстетический принцип с целью более детального анализа поэзии Игоря Живагина; принцип целостности используется для получения полной информации; принцип соотношения логики и истории помогает нам прочувствовать как поэты работали в ногу со временем в котором жили.

Теоретическое значение работы состоит в том, что более детальное исследование развития русскоязычной поэзии на Украине поможет нам более детально понять и прочувствовать глубину душевных переживаний поэтов писавших именно в это время. А так же влияние классиков на творчество современных поэтов.

Практическое значение работы. Благодаря детальному исследованию поэзии Игоря Живагина, как яркого представителя русскоязычной поэзии Житомирщины, мы можем получить более конкретное представление о моральных принципах и духовных взглядах человека на современный мир.

Связь работы с тематикой кафедры. Кафедральная тема: «Онтология литературного произведения: теоретико-методологический и историко-литературный аспекты» (утверждена решением кафедры от 9 декабря 2010 года, протокол № 5).

Апробация исследования состоялась 23 апреля 2014 года. на студенческой научной конференции «филологический полилог –14»

Статья «Александр Блок как потерн и идеал творчества И. Живагина» принята к публикации в научном сборнике «Полилог» № 2.

Глава I.

1.1. Творчество Игоря Живагина в контексте литературной критики и русскоязычной поэзии Житомирщины.

Игорь Федорович Живагин прожил небольшую по времени, но богатую по содержанию и творчеству жизнь. Родился 24 июня 1950 года в с. Верхотурье Свердловской области в семье служащих. Стихи начал писать в школьные годы. С тем, что бы глубже познать величие и глубину русского языка, заканчивает факультет русского языка и литературы Житомирского педагогического института. Работает учителем в школе.

Разносторонность творческой личности Игоря можно подчеркнуть такими штрихами – он был учителем и методистом, кандидатом в мастера спорта по шахматам, народным депутатом, руководителем творческого издательского коллектива «ЛЬОНОК», писателем и Поэтом. Написал много лирических миниатюр, которые мы читаем на страницах его книг, периодических изданий.

Своим поэтическим словом зажигал сердца людей всех возрастов. Его любили и ему завидовали. Но больше всего ждали его новых стихов, ведь каждый из нас в них искал, что – то свое, наверное, очень сокровенное и личное, понимая о том, что любовь вечна.

Его стихи дышат редкостной природностью и полным откровением. Возможно, настоящая поэзия должна быть именно такими непроданными выплесками души. Вкусивши их невозможно, как сознался классик, «не кончить полной немотой».

При жизни Игоря Живагина вышли сборники его стихов:

«Осенний поцелуй». – Житомир : Олеся, 1993.

«Во имя любви» 1994 год. – Житомир : Льонок, 1993.

«Глазами блаженной души» . – Житомир : Льонок, 1995.

«Под вечным куполом небес». – Житомир : Льонок, 1996.

«Агония Любви». – Житомир : Льонок, 1997.

Последний сборник – «Прикосновение» вышел в свет в 2010 году спустя 12 лет после смерти поэта.

«Если ранний Игорь Живагин был известен широкому кругу как поэт – лирик то в сборнике «Прикосновенье» он предстает перед нами как поэт-гражданин», – рассказал составитель сборника член Национального союза краеведов Евгений Тимиряев. К слову, лирические строки Игоря Живагина на первой странице газеты «ЭХО» помнят многие читатели. Можно сказать, строки его стихов были своеобразным эпиграфом многих номеров именно этой газеты. Поэзия Игоря Живагина – это явление в жизни не только Житомира, но и всей русскоязычной украинской поэзии.

Многие критики и поэты говорили о творчестве поэта. В своей критической статье Лариса Антоненко, поэтесса, член Национального союза журналистов Украины говорила, что писать о человеке, известном в народе и полюбившемся ему своим творчеством, очень сложно. Тем более, когда ты имел чести лично знать его, но близко знали другие писатели о нем, говорили душевные, теплые слова, зная хорошо его биографию, его жизнь. И лишь необыкновенное творчество дает такую возможность, в определенной мере ограниченную, балансирующую на тонкой грани между знанием и чувствованием, но все же счастливую.

Русский поэт из славного Украинского города Житомира Игорь Живагин, как ни странно это прозвучит для кого-то, дал нам по истине пищу высокого духовного порядка и ушел в мир иной. Ушел, чтобы дать нам время

Мне стало трудно
с мыслями бороться
И повторять устал
я вновь и вновь:
Как не стареет
в мире благородство,
Так не стареют
верность и любовь. [22, с. 20].

А так же в своем прологе к этому сборнику Игорь Федорович писал: «Всякая любовь рождается, живет и умирает. Но есть и такая любовь, которая возвышается до бессмертия. Без такой любви наша жизнь, имеющая тенденцию в любой момент оборваться, лишена глубокого смысла.

«В мире существуют общие условия для счастья, но возвышенная любовь всегда неповторима... Я пытался заставить свою душу молчать, но ей всегда хотелось что то сказать... Мне не ловко от мысли, что желая в какой то мере раскрыть душу, я записываю только её печальные вдохи и жалобы... Но если читатель многое испытал в жизни, если у него задумчивый склад характера, если он сам отчаивался в любви – ничто не помешает ему прочитать это короткие строки».

Не в этом ли суть его глубочайшего проникновения в смысл нашего бытия? «Бог есть Любовь» – так сказано в Книге книг – Библии. Игорь Живагин жил в Боге, говоря словами верующий христиан.

Его душа говорила этим прекрасным, могущественным языком через поэзию, в небольших, но чрезвычайно емких энергетически насыщенных стихах поэта, любовь как Бог продолжает жить и спустя годы после его ухода. Это мы можем подчеркнуть стихотворением Игоря Живагина из сборника «Прикосновение»:

Воздушных замков
 призрачные своды
 Не переступит грешная нога,
 Не долетит к Божественному
 небосводу
 Рукой нечистой посланный сигнал.
 Не воскресит угаснувшую душу
 Скупого сердца вынужденный стон.
 Душа воскреснет, если не нарушишь
 Единый в мире нравственный Закон. [27, с. 73]

Более того, осмысленное нашими сопереживаниями, нашим сердечным откликом, она возрастает до безграничных размеров, тем самым оставляя и улучшая пространство. Задумывался ли поэт об этой грани своего назначения? Возможно. Но то, что дух его знал в себе эту миссию – несомненно. Потому и творил с надрывом огненного нерва с полной отдачей себя каждому откликнувшемуся сердцу.

Любить чуть-чуть, дозировано – это не его кредо. «Я люблю тебя так сильно – сильно, как от сюда до самых звезд». Вот какие мерки присущи поэту и человеку Игорю Живагину. Не каждому такое по плечу – ни сказать, ни совершить. Не случайно поэт говорит: «Во имя Любви я согласен на все. И даже на большее тоже согласен». Если личность целостна в своей нравственности, благородстве, стремлении оставаться собой, не взирая на перипетии судьбы. О таких людях говорят: «Человек со стержнем». Поистине, его «стержень» подобен столбу струящегося света во мраке. Он дарит своё сердце не только той единственной, которую любит, но всем умеющим любить и тем, кто ещё не научился этому величайшему искусству в самом высоком смысле.

ХЛЕБОРОБУ

Уйду в хлеба тропую полевой,
 Колосья спелые
 прижму к себе рукой
 И буду слушать
 августовским днём,
 Как ток звенит
 искрящимся зерном.
 И буду удивляться,
 как светла
 Родная ширь от хлебного тепла.
 Земле и солнцу тоже
 удивлюсь
 И низко хлеборобу поклонюсь. [27, с. 19].

Сердце поэта всегда отзывалось на боль и радость нашего времени.

Раненное афганским маршем, оно кричало: « Всё что с нами случилось до сих пор не понятно, Но афганская песня с болью в сердце звучит». Страдало оно и о ветеранах Великой Отечественной, в трудное время брошенных государством на произвол судьбы, и чернобыльской трагедии... Гражданин Игорь Живагин не был равнодушным ко всему происходящему в поле его жизни и творчества. Потому и снискал любовь и уважение окружающих.

Поэты уходят рано в мир иной – сказано давно. Это не удивительно. Ибо проводником высокого поэтического слова является сердце. Оно пропускает через себя всё напряжение не только своей жизни. И эти энергии рано сжигают его хрупкое, тонкое естество. Но сотворённое и оставленное поэтами лежит на другой чаше весов, перевешивая отнятое у них время на Земле. Так поэт приносит себя в жертву, о которой нельзя сожалеть. Мудрый

будет радоваться великой Радостью о том, что он, Поэт, жил рядом с нами, творил и подарил мир высокой Мысли нам – Людям. Когда великий душою человек живёт на нашей земле, дышит с нами одним воздухом, радуется одному солнцу и дарит нам своё ощущение мира, своим творчеством – нам хочется жить чувствуя эту безмолвную красоту жизни.

Сердца поэтов открыты для поэзии и служению миру и добру. Сам автор говорит так:

Всем, чьи сердца
открыты для поэзии,
Стихи нужны,
как воздух, как вода,
Как солнце,
как заветная звезда,
И – как любовь,
желанная и нежная.
...Веками их
поэты сочиняли,
Служили они
свету и добру.
Под градом пуль
в пороховом дыму
Стихи призывно, яростно звучали.
И сколько с ними
связано побед!
Заложено в них
столько вдохновенья!
И, как ни странно,
без стихотворенья –

И песни ни одной

на свете нет. [27, с. 24].

В нашем грязном, «забрызганном чернилами, затопившими человеческое чувство прекрасного» современном мире, оставаться человеком, который не только видит и чувствует прекрасное а и безукоризненно служить музе чистой и светлой поэзии – это весомый повод быть великим человеком и заслуживать на память, почтение и уважение, которое мы и отдаём Игорю Живагину.

1.2. Восприятие и интерпретация блоковской поэтики в творчестве житомирянина.

Александр Блок был поэтом величайшего исторического рубежа. Это великий поэт, завершивший своим творчеством поэтические искания всего XIX века. Анна Андреевна Ахматова писала: « Блок не только величайший европейский поэт первой четверти XX века, но и человек-эпоха».

Можно сказать, что историческая миссия Блока как поэта, критика, публициста заключалась в том, чтобы привести культуру прошлого в непосредственное соприкосновение со своим временем. Поэт явился связующим звеном между литературой XIX и начала XX веков. Вероятно, поэтому в творчестве и облике Блока совмещаются несовместимые черты и качества личности.

Александр Блок классичен, сдержан, глубоко интеллектуален и интеллигентен. Он наиболее яркий представитель одного из самых модных модернистских течений – символизма, в котором видел выражение мятежных исканий своего времени. В содержании своего творчества Блок вышел далеко за пределы символистической доктрины, но он оставался верен эстетике и поэтике символизма до конца своих дней, остро ощущая «тревоги своего времени».

На страстном, музыкальном языке своей поэзии Блок гениально выразил владевшее им предчувствие приближающегося перелома в мировой жизни.

И черная земная кров
 Сулит нам, раздувая вены,
 Все разрушая рубежи,
 Неслыханные перемены,
 Невиданные мятежи. [7, с. 42]

Большая притягательная сила блоковского стиха, могучая внутренняя энергия его ритмов проверены временем. Эти тончайшие, разнообразные музыкальные ритмы волнуют, тревожат, радуют, печалят и воодушевляют. Эти ритмы заставляют снова и снова почувствовать гармонию, внесенную в мир великим поэтом. Через десятилетия мы слышим его пророческий голос:

Быть может, юноша веселый
 В грядущем скажет обо мне:
 Простим угрюмство – разве это
 Сокрытый двигатель его?
 Он весь – дитя добра и света,
 Он весь – свободы торжество! [7, с. 56]

Лирика Блока – явление уникальное в русской поэтической культуре. При всем многообразии ее проблематики и художественных решений, при всем отличии ранних стихотворений от последующих – она выступает как единое целое, как одно развернутое во времени произведение, как отражение пройденного поэтом «пути». Уже современники заметили, как часто повторяются в лирике Блока несколько ключевых слов. Так, К. Чуковский писал, что излюбленные слова раннего Блока – «туманы» и «сны».

Наблюдение критика соответствовало профессиональным «наклонностям» поэта. В «Записных книжках» Блока есть такая запись: «Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся как звезды. Из-за них существует стихотворение».

Для всего корпуса лирики Блока характерна устойчивая повторяемость важнейших образов, словесных формул и лирических ситуаций. Они, эти образы и слова, наделяются не только «словарными» значениями, но получают дополнительную смысловую энергию, впитывают новые семантические оттенки из ближайшего словесного окружения. Но не только контекст конкретного стихотворения определяет значение таких слов-сигналов. Чем больше блоковских стихов мы читаем, тем богаче становится восприятие каждого стихотворения, потому оно не только излучает «заряд» собственного смысла, но и одновременно «заряжается» смыслом других стихотворений. Благодаря сквозным мотивам лирика Блока приобрела очень высокую степень цельности. Сам поэт хотел от своих читателей, чтобы его лирика рассматривалась как трехтомный роман в стихах, названный им «трилогией вочеловечения».

С чем же связана такая позиция автора множества прекрасных лирических стихотворений? Прежде всего с тем, что в центре его лирики – личность современного человека. Именно личность в ее отношениях со всем миром (и социальным, и природным, и «космическим») составляет ядро проблематики поэзии А. Блока. Такая проблематика до Блока традиционно воплощалась в жанре романа. Вспомним, что в качестве жанрового обозначения «Евгения Онегина» А. С. Пушкин использовал термин «роман в стихах». В стихотворном романе Пушкина – отчетливый, хотя и незавершенный сюжет, многогеройная композиция персонажей, множество внесюжетных элементов, позволявших автору свободно «отступать» от повествовательных целей, «напрямую» обращаться к читателю, комментировать сам процесс создания романа и т. п. [7, с. 25].

В лирическом «романе» А. Блока тоже есть своеобразный сюжет, но не событийный, а лирический – связанный с движением чувств и мыслей, с разворачиванием устойчивой системы мотивов. Если содержание пушкинского романа во многом определяется меняющейся дистанцией между автором и героем, то в блоковском лирическом «романе» такой дистанции нет: личность А. Блока и стала героем «трилогии вочеловечения». Вот почему по отношению к нему в литературоведении используется категория «лирического героя». Впервые этот термин, сегодня широко используемый и по отношению к творчеству других лириков, появился в работах замечательного литературоведа Ю. Тынянова – в его статьях о поэзии Блока.

Герой блоковской лирики может представлять иноком или безымянным воином из стана Дмитрия Донского, Гамлетом или посетителем пригородного ресторана, но всякий раз это воплощения одной души – одного мироощущения, одного способа мышления. Введение нового термина было вызвано тем, что «самой большой лирической темой» Блока, по словам Ю. Тынянова, стала сама личность поэта. Вот почему при всем разнообразии тематического материала, составляющего «предметный» фон блоковского «романа», лирическая трилогия от начала до конца остается моноцентричной.

Какова внешняя композиция блоковского «романа в стихах»? Поэт делит его на три тома, каждый из которых обладает идейно-эстетическим единством и соответствует одному из трех этапов «вочеловечения». «Вочеловечение» – слово из богословского лексикона: в христианской традиции оно обозначает явление Сына Человеческого, воплощение Бога в человеческом облике. Важно, что в поэтическом сознании Александра Блока образ Христа связан с идеей творческой личности – художника, артиста, всей своей жизнью служащего пересозданию мира на основах добра и красоты, совершающего подвиг самоотречения ради осуществления этих идеалов.

Путь такой личности – лирического героя романа – стал основой сюжета трилогии. В рамках каждого из трех этапов общего движения – множество частных эпизодов и ситуаций. В прозаическом романе, как правило, конкретный эпизод составляет содержание главы, в лирическом романе А. Блока – содержание стихотворного цикла, т.е. нескольких стихотворений, объединенных общностью ситуации. Для «романа пути» вполне естественно, что самой распространенной оказывается ситуация встречи – встречи лирического героя с другими «персонажами», с разнообразными фактами и явлениями социального или природного мира. На пути героя – реальные преграды и обманчивые миражи «болотных огней», соблазны и испытания, ошибки и подлинные открытия; путь изобилует поворотами и перекрестками, сомнениями и страданиями. Но главное, что каждый последующий эпизод обогащает героя духовным опытом и расширяет его кругозор: по мере движения пространство романа расширяется концентрическими кругами, так что в конце пути взор героя охватывает пространство всей России [8, с. 9].

Помимо внешней композиции, определяемой делением на книги (тома) и разделы (циклы), трилогия Блока организована и более сложной внутренней композицией – системой мотивов, образными, лексическими и интонационными повторами, связывающими отдельные стихотворения и циклы в единое целое. Мотив в отличие от темы – категория формально-содержательная: мотив в поэзии служит композиционной организации множества отдельных стихотворений в осязаемое лирическое целое. Поскольку прямые сюжетные связи между стихотворениями отсутствуют, мотив восполняет композиционную цельность стихотворного цикла или даже всей лирики поэта. Он создается многократно повторяющимися и варьирующимися от стихотворения к стихотворению лирическими ситуациями и образами (метафорами, символами, цветовыми обозначениями).

Центральный цикл первого тома блоковской лирической трилогии – «Стихи о Прекрасной Даме». Именно эти стихи до конца жизни оставались для Блока самыми любимыми. Как известно, в них отразились любовный роман молодого поэта с будущей женой Л. Д. Менделеевой и увлечение философскими идеями Вл. Соловьева. В учении философа о Душе мира, или Вечной Женственности Блока привлекала мысль о том, что именно через любовь возможно устранение эгоизма, единение человека и мира. Смысл любви, по В. Соловьеву, состоит в обретении личностью идеальной цельности, которая приблизит человека к высшему благу – «абсолютной солидарности», т. е. слиянию земного и небесного. Подобная «высокая» любовь к миру открывается человеку через любовь к земной женщине, в которой нужно суметь прозреть ее небесную природу.

«Стихи о Прекрасной Даме» принципиально многоплановы [6, с. 33]. В той мере, в какой они говорят о реальных чувствах и передают историю «земной» любви – это произведения интимной лирики. Но «земные» переживания и эпизоды личной биографии в лирическом цикле Блока важны не сами по себе – они используются поэтом как материал для вдохновенного преобразования. Важно не столько увидеть и услышать, сколько прозреть и расслышать; не столько рассказать, сколько поведать о «несказанном».

Сюжет блоковского сборника («Стихи о Прекрасной Даме» поначалу составили содержание дебютного для поэта сборника стихотворений) – это сюжет ожидания Встречи с возлюбленной – встречи, которая преобразит мир и героя, соединит землю с небом. Участники этого сюжета – «он» и «она». Многопланов облик героини. С одной стороны, это вполне реальная, «земная» женщина, каждое свидание с которой открывает в ней лирическому герою какую-либо новую черту. «Она стройна и высока, // Всегда надменна и сурова». Герой видит ее «каждый день издалека» или встречается с ней «на закате». В разные встречи на ней может быть «сребристо-черный мех» или «белое платье». Она скрывается «в темные ворота» и т. п. С другой же стороны, перед нами небесный, мистический образ «Девы», «Зари»,

«Величавой Вечной жены», «Святой», «Ясной», «Непостижимой»... То же можно сказать и о герое цикла. «Я и молод, и свеж, и влюблен», – вполне «земная» самохарактеристика. А далее он уже «безрадостный и темный инок» или «отрок», зажигающий свечи [6, с. 245].

Драматизм ситуации ожидания – в противопоставлении земного и небесного, в заведомом неравенстве лирического героя и Прекрасной Дамы. В их отношениях возрождается атмосфера средневекового рыцарства: предмет любви лирического героя вознесен на недостижимую высоту, поведение героя определяется ритуалом самозабвенного служения. «Он» – влюбленный рыцарь, смиренный инок, готовый к самоотречению схимник. «Она» – безмолвная, невидимая и неслышимая; бесплотное средоточие веры, надежды и любви лирического героя.

Поэт широко использует прилагательные с семантикой неопределенности и глаголы с семантикой безличности или пассивного созерцания: «неведомые тени», «нездешние видения», «непостижимая тайна»; «вечер придвинется», «все узнается», «жду», «слежу», «гадаю», «направляю взор» и т. п. Литературоведы часто называют первый том лирики Блока «стихотворным молитвенником»: в нем нет событийной динамики, герой застывает в коленопреклоненной позе, он «молча ждет», «тоскуя и любя»; ритуальность происходящего поддержана образными знаками религиозного служения – упоминаниями лампад, свечей, церковной ограды, – а также господством белого, алого и золотого цветов в живописной палитре.

Основной раздел «Стихов о Прекрасной Даме» был в первом издании (в форме лирического сборника) назван «Неподвижность» [43, с. 17]. Однако внешняя малоподвижность лирического героя компенсируется драматической сменой его настроений: светлые надежды сменяются сомнениями, ожидание любви осложняется боязнью ее крушения, нарастают настроения несовместимости земного и небесного. В хрестоматийном стихотворении «Предчувствую Тебя...» наряду с нетерпеливым ожиданием

звучит важный мотив боязни Встречи. В миг воплощения Прекрасная Дама может превратиться в греховное создание, а ее нисхождение в мир – оказаться падением:

Весь горизонт в огне, и близко появленье.
 Но страшно мне: изменишь облик Ты.
 И дерзкое возбудишь подозренье,
 Сменив в конце привычные черты [7, с. 77].

Особой напряженностью отмечен завершающий первый том цикл «Распутья». Светлая эмоциональная атмосфера влюбленного ожидания уступает место настроениям недовольства собой, самоиронии, мотивам «страхов», «смехов», тревог. В поле зрения героя попадают приметы «повседневности»: быт городской бедноты, людское горе («Фабрика», «Из газет» и др.). «Распутья» предвосхищают важные перемены в судьбе лирического героя.

Эти перемены отчетливо проявились во втором томе лирической трилогии. Общественный подъем, охвативший в это время самые широкие слои российского народа, решающим образом воздействовал и на Блока. В сознание поэта властно вторгаются события окружающей жизни, требующие своего осмысления. Он воспринимает их как динамичное начало, «стихию», вступающую в конфликт с «несмутимой» Душой Мира, как «антитезу», противостоящую «тезе», и погружается в сложный и противоречивый мир людских страстей, страданий, борьбы.

Если первый том лирики определялся мотивами ожидания встречи и высокого служения, то новый этап лирического сюжета связан прежде всего с мотивами погружения в жизненные стихии, или, используя формулу самого Блока, «мятежа лиловых миров». Сознание лирического героя обращено теперь к непридуманной жизни. Она является ему в стихиях природы (цикл «Пузыри земли»), урбанистической цивилизации (цикл «Город») и земной

любви («Снежная маска»). В конечном счете череда встреч героя со стихиями приводит его к встрече с миром действительности. Изменяется само представление героя о сущности мира. Общая картина жизни резко усложняется: жизнь предстает в дисгармонии, это мир множества людей, драматических событий, борьбы. Важнее всего, однако, что в поле зрения героя теперь – национальная и общественная жизнь страны. Свидетельство тому – стихотворения «Шли на приступ. Прямо в грудь...», «Поднимались из тьмы погребов...», «Митинг», «Сытые» и др. Характерно, однако, что лирический герой при всей солидарности с теми, кто выступает на защиту угнетенных, не считает себя достойным оказаться в их рядах:

Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с тобою,
Верно, не возьмут!

(«Барка жизни стала...») [8, с. 72].

На такой щемящей ноте начинает звучать в лирике Блока одна из главных для него проблем – народ и интеллигенция.

Второй этап пути лирического героя, соответствующий второму периоду творчества поэта, – самый сложный по структуре мотивов и многообразию интонаций (трагических и иронических, романтических и «балаганных»). Стихия – ключевой символ второго тома лирики. Этот символ в сознании поэта близок тому, что он называл «музыкой» – он связан с ощущением глубинной творческой сути бытия. Музыка в представлении Блока пребывает в природе, в любовном чувстве, в душе народа и в душе отдельного человека. Близость к стихиям природы и народной жизни обеспечивает человеку подлинность и силу его чувств. Однако сближение с многообразными стихиями становится для героя не только залогом наполненности жизни, но и серьезнейшим нравственным испытанием.

Стихия не существует вне земных воплощений. Крайними воплощениями «земного» начала становятся в лирике поэта персонажи народной демонологии из цикла «Пузыри земли» (чертенята, колдуны, ведьмы, русалки) – одновременно влекущие и пугающие. Среди «ржавых болот» постепенно исчезают былые порывы ввысь, к золоту и лазури: «Полюби эту вечность болот: // Никогда не иссякнет их мощь». Пассивное растворение в стихиях может обернуться самодовлеющим скепсисом, забвением идеала.

Меняется и облик героини любовной лирики – Прекрасная Дама вытеснена Незнакомкой, неотразимо-притягательной «посюсторонней» женщиной, шокирующей и одновременно очаровательной [8, с. 11]. В знаменитом стихотворении «Незнакомка» (1906) контрастно соотнесены «низкая» действительность (дисгармоничная картина пригорода, компания завсегдаев дешевого ресторана) – и «высокая» мечта лирического героя (пленительный образ Незнакомки). Однако ситуация не исчерпывается традиционным романтическим конфликтом «мечты и действительности». Дело в том, что Незнакомка одновременно и воплощение высокой красоты, напоминание о сохранившемся в душе героя «небесном» идеале – и порождение «страшного мира» реальности, женщина из мира пьяниц «с глазами кроликов».

Образ оказывается двуликим, он строится на соединении несоединимого, на «кощунственном» совмещении прекрасного и отталкивающего. И все же эмоциональный итог стихотворения – не в сетованиях на иллюзорность красоты, а в утверждении ее тайны. Спасение лирического героя в том, что он помнит – помнит о существовании любви безусловной («В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне!»). Во втором томе трилогии лирический герой Блока, «попирая святыни», жаждет верить; бросаясь в вихрь любовных измен, – тоскует о любви единственной.

Новое мироощущение лирического героя повлекло за собой изменения в поэтике: резко возрастает интенсивность оксюморонных сочетаний, особое внимание уделяется музыкальной выразительности стиха, метафоры последовательно развиваются в самостоятельные лирические темы (один из характернейших образцов такого «плетения» метафор – стихотворение «Снежная завязь»). Вот как высказывался об одном из циклов второго тома («Снежная маска») В. Иванов – крупнейший теоретик среди символистов 900-х годов: «По-моему, это апогей приближения нашей лирики к стихии музыки. <...> Звук, ритмика, ассонансы пленительны, упоительное, хмельное движение, хмель метели... Дивная тоска и дивная певучая сила!»

Однако мир стихий способен полонить лирического героя, прервать его движение. А. Блок ощущает необходимость искать какие-то новые пути. В самом многообразии стихий необходим выбор. «Не значит ли понять все и полюбить все – даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, – не значит ли это ничего не понять и ничего не полюбить?» – пишет он в 1908 году [43, с. 95]. Возникает потребность приподняться над стихийностью. Итоговым разделом второго тома трилогии стал цикл «Вольные мысли», знаменующий решающий переход к трезвому и четкому отношению к миру. Что же выносит лирический герой из опыта приобщения к стихиям? Главное – это мужественная идея противостояния страшному миру, идея долга. От «антитезы» безверия и субъективности герой возвращается к вере, но его вера в идеальное начало жизни наполняется новыми смыслами по сравнению с ранней лирикой.

Одно из самых принципиальных стихотворений второго тома – «О, весна без конца и без края». В нем развивается один из важнейших мотивов лирики Блока – «и отвращение от жизни, и к ней безумная любовь». Жизнь открывается лирическому герою во всей неприглядности («томления рабских трудов», «колодцы земных городов», «плач», «неудача»). И все же реакция героя на все проявления дисгармонии далека от однозначного неприятия. «Принимаю» – вот волевое решение лирического героя. Но это не пассивное

смирение перед неизбежностью: герой предстает в облике воина, он готов противостоять несовершенству мира. Каким же выходит лирический герой из испытаний стихиями? Смело познавать жизнь, ни от чего не отречься, испытать все напряжение страстей во имя полноты познания жизни, принять ее такой, какая она есть – в сопряжении «прекрасного» и «страшного» начал, но вести вечный бой за ее совершенство. Лирический герой теперь «мужественно глядит в лицо миру». «В конце пути», как писал поэт в предисловии к сборнику «Земля в снегу», – для него «расстилается одна вечная и бескрайная равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия».

В третьем томе «романа в стихах» синтезированы и переосмыслены важнейшие мотивы первых двух частей трилогии. «Тезу» первого и «антитезу» второго тома сменяет «синтез». Синтез – это новая, более высокая ступень осмысления действительности, отвергающая предыдущие и в то же время соединяющая в себе по-новому некоторые их черты. Книга открывается циклом «Страшный мир».

Ведущий мотив цикла – омертвление мира современной городской цивилизации. Лаконичный выразительный образ этой цивилизации представлен знаменитым стихотворением «Ночь, улица, фонарь, аптека...». В орбиту этих сил духовной смерти попадает и лирический герой: он трагически переживает собственную греховность, в его душе нарастает ощущение смертельной усталости. Даже любовь теперь – чувство мучительное, оно не избавляет от одиночества, а только обостряет его. Вот почему лирический герой осознает как греховные поиски личного счастья. Счастье в «страшном мире» чревато душевной черствостью, моральной глухотой. Ощущение безысходности приобретает у героя всеохватный космический характер:

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.

А ты, душа, усталая, глухая,
О счастья твердишь который раз? [7, с. 62].

Образ огромной обобщающей силы создан в заключающем цикл «Голосе из хора». Здесь – апокалиптическое пророчество о грядущем торжестве зла:

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я. Все небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия... [7, с. 71].

Вот как комментирует эти строчки сам поэт: «Очень неприятные стихи. <...> Лучше бы было этим словам остаться несказанными. Но я должен был их сказать. Трудное надо преодолеть. А за ним будет ясный день».

Полюс «страшного мира» вызывает в сознании лирического героя мысль о грядущем возмездии – эта мысль развивается в двух небольших циклах «Возмездие» и «Ямбы». Возмездие, по Блоку, настигает человека за измену идеалу, за утрату памяти об абсолютном. Это возмездие – прежде всего суд собственной совести.

«Цыганская стихия», любовь, музыка, искусство, «печаль и радость» нашли свое место в цикле «Кармен». Образ Кармен у поэта многолик, синтетичен. Кармен – и героиня оперы Бизе, и современная женщина. Она и независимая, вольнолюбивая испанская цыганка, и славянка, которую герой под «заливистый крик журавля» обречен «ждать у плетня до заката горячего дня». Стихийное начало выражено в ней в самых различных его проявлениях – от стихии сжигающей страсти, стихии природы и космоса – до творческой стихии «музыки», дающей надежду на грядущее просветление. Этим и близка героиня цикла лирическому герою.

Логическое развитие сюжета пути лирического героя – обращение к новым, безусловным ценностям – ценностям народной жизни, Родины. Тема России – важнейшая блоковская тема. На одном из выступлений, где поэт читал самые разные свои стихотворения, его попросили прочесть стихи о России. «Это все – о России», – ответил Блок. Однако наиболее полно и глубоко эта тема воплощена в цикле «Родина» [43, с. 86].

Перед этим важнейшим в «трилогии вочеловечения» циклом Блок помещает лирическую поэму «Соловьиный сад». Поэма воссоздает ситуацию решающего распутия в сюжете лирического романа. Она организована непримиримым конфликтом, исход которого не может не быть трагическим. Композиция строится на противопоставлении двух начал бытия, двух возможных путей лирического героя. Один из них – повседневный труд на скалистом берегу, томительное однообразие существования с его «зном», скукой, обездоленностью. Другой – завлекающий музыкой «сад» счастья, любви, искусства:

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной...

Поэт не пытается найти примирения «музыки» и «необходимости», чувства и долга; они с подчеркнутой суровостью разделены в поэме. Однако оба жизненных «берега» являют собой несомненные ценности для лирического героя: между ними он и блуждает (с «каменистого пути» сворачивает в соловьиный сад, но оттуда слышит призывный шум моря, «далекое рычанье прибоя»). В чем же причина ухода героя из соловьиного сада? Вовсе не в том, что он разочарован «сладкой песнью» любви. Эту чарующую силу, уводящую с «пустого» пути монотонного труда, герой не судит аскетическим судом и не лишает прав на существование.

Возвращение из круга соловьиного сада – не идеальный поступок и не торжество «лучших» качеств героя над «худшими». Это трагический,

подвижнический выход, связанный с потерей действительных ценностей (свободы, личного счастья, красоты). Лирический герой не может быть удовлетворен своим решением, как не мог бы обрести духовной гармонии, останься он в «саду». Его участь трагична: в каждом из необходимых, дорогих для него миров есть своя «правда», но правда неполная, односторонняя. Поэтому не только замкнутый «оградой высокой и длинной» сад рождает в душе героя ощущение сиротства, но и возвращение к скалистому берегу не избавляет его от тоскливого одиночества.

И все же выбор сделан в пользу сурового долга. Это подвиг самоотречения, определяющий дальнейшую судьбу героя и позволяющий многое понять в творческой эволюции автора. Смысл своего пути и логику лирической трилогии А. Блок наиболее четко определил в одном из писем Андрею Белому: «...таков мой путь, теперь, когда он пройден, я твердо уверен, что это должное и что все стихи вместе – «трилогия вочеловечения» (от мгновения слишком яркого света – через необходимый болотистый лес – к отчаянью, проклятиям, «возмездию» и – к рождению человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру... получившего право изучать формы... вглядываться в контуры «добра и зла» – ценой утраты части души».

Выйдя из «Соловьиного сада», лирический герой трилогии расстается со «сладкой песнью» любви (важнейшая до сих пор любовная тема уступает место новой верховной ценности – теме Родины). Сразу вслед за поэмой в третьем томе «лирического романа» – цикл «Родина» – вершина «трилогии вочеловечения». [43, с. 99]. В стихах о России ведущая роль принадлежит мотивам исторических судеб страны: смысловое ядро патриотической лирики Блока составляет цикл «На поле Куликовом». Куликовская битва в восприятии поэта – символическое событие, которому суждено возвращение. Поэтому столь важна в этих стихах лексика с семантикой возврата, повтора: « Непрядвой лебеди кричали, // И опять, опять они кричат...»; «Опять с вековой тоскою // Пригнулись к земле ковыли»; «Опять над полем

Куликовым // Взойшла и расточилась мгла...». Тем самым обнажаются нити, связывающие историю с современностью.

Стихотворения строятся на противопоставлении двух миров. Лирический герой предстает здесь безымянным воином войска Дмитрия Донского. Тем самым личная судьба героя отождествляется с судьбой Родины, он готов погибнуть за нее. Но в стихах ощутима и надежда на победное и светлое будущее: «Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами // Степную даль».

Другой знаменитый образец патриотической лирики Блока – стихотворение «Россия» – начинается все тем же наречием «опять». Эта лексическая частность заслуживает комментария. Лирический герой трилогии уже прошел огромный путь – от неоформленных предчувствий грандиозных свершений – к ясному пониманию своего долга, от ожидания встречи с Прекрасной Дамой – к реальной встрече с «прекрасным и яростным» миром народной жизни. Но сам образ Родины в восприятии лирического героя напоминает о прежних воплощениях его идеала. «Нищая Россия» наделена в стихотворении человеческими чертами. Подробности лирического пейзажа «перетекают» в портретные детали: «А ты все та же – лес да поле, // Да плат узорный до бровей». Выразительны портретные штрихи облика Руси в другом стихотворении цикла – «Новая Америка»: «Шопотливые, тихие речи, // Запылавшие щеки твои...»

Для лирического героя любовь к Родине – не столько сыновнее, сколько интимное чувство. Потому образы Руси и Жены в лирике Блока очень близки. В облике России оживает память о Прекрасной Даме, хотя эта связь логически не явлена. Предыстория лирического «я» входит в структуру стихов о Родине, а сами эти стихи ретроспективно обогащают раннюю любовную лирику Блока, подтверждают мысль поэта о том, что все его стихи – о России.

Цикл «Родина» завершает небольшое стихотворение «Коршун». В нем сосредоточены все ведущие мотивы, прозвучавшие в цикле. Тут и приметы

неброского русского пейзажа, и напоминание о подневольной судьбе русского человека, и обобщенный образ самой Родины. Все это глубоко народно и неразрывно связано с фольклорной стихией. А сам Коршун – символ тех зловещих сил, которые тяготеют над Россией. Вопросы, поставленные в конце стихотворения и усиленные анафорой «доколе», не являются обычными риторическими вопросами. Автор обращает их и к себе, и к читателям, и, быть может, к самой Истории как активный призыв к действию.

Важнейший мотив стихов о Родине – мотив пути («До боли // Нам ясен долгий путь!»). В финале лирической трилогии это общий для героя и его страны «крестный» путь. Чтобы подвести итоги трилогии, воспользуемся формулой одного из крупнейших блоковедов – Д. Е. Максимова: «путь Блока предстает... как некое восхождение, в котором «отвлеченное» становится «конкретнее», неясное – яснее, уединенное срастается с общенародным, вневременное, вечное – с историческим, в пассивном зарождается активное».

Выводы к первой главе.

В первой главе мы исследуем творчество Игоря Живагина в контексте русскоязычной поэзии Украины на фоне поэтики Александра Блока и делаем вывод, следует отметить, что анализируя лирику И. Живагина в сравнении с блоковской, трагизм блоковской поэзии исторически обусловлен и психологически мотивирован. В ней презентован опыт искреннего личностного переживания на трагическом фоне, который переживала императорская Россия в канун своего распада. Жизнь и творчество И. Живагина так же в некоторой степени есть рефлексией на катастрофическое социальное положение, в котором оказалась Украина в периоды перестройки и постперестроечного синдрома. Тотальный дефицит товаров, лживая официозная идеология, наконец, безответственность некоторых лидеров перед народом была трансформирована в «сладкие» и в некоторой степени социально бесконфликтные стихи Игоря Федоровича, который как бы специально удалился в иной мир, мир без дефицитов, лжи и профанаций. Этот мир – мир вечной любви, мир искренней любви, мир бескрайней любви. Да, в ней были и трагедии, и измены, и предательства, но это была любовь – вечная и красивая, как лирика И. Живагина.

«Солнце любви» освещало всё, что видели поэты, это важно осознавать для более точного понимания и восприятия поэзии А. Блока и И. Живагина. Восприятие ими существующей реальности – это жгучая лирика, которая дышит свежей страстью, а не отвлечённое философствование.

Глава II.

2.1. Александр Блок, как паттерн и идеал в творчестве Игоря Живагина.

Когда в человеческую душу проникает любовь, могучая сила, движущая мирами, то в ней угасает все случайное, и раскрываются только лучшие её стороны. Этим постулатом и проникнуто все содержание новой книги «Глазами блаженной души» житомирского поэта Игоря Живагина, эпигрофом в которой стали строки великого поэта начала XX века – одного из самых выдающихся явлений русской поэзии. По силе дарования, страстности озрений и позиций, по глубине проникновения в жизнь, стремлению ответить на самые большие и насущные вопросы современности, по значительности новаторских открытий, ставших бесценным достоянием русской поэзии, Александра Блока:

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви. [26, с. 17].

Стоит сказать, что исследуя проблематику Игоря Живагина, она является родственной проблематике Блока. Русский поэт был наделён от природы, по меньшей мере, еще тремя драгоценными человеческими дарованиями: неподкупной совестью, беспощадной искренностью, и бесстрашием правды; а так же чувством гражданского долга – триотическая тема, тема Родины и ее судеб, входит в лирику Блока одновременно с темой революции, захватывающей поэта до самых потаенных глубин его души и породившей строй совершенно новых чувств, переживаний, стремлений, возникавших словно при грозовых разрядах, в их ослепительном свете, – и тема Родины становится в творчестве Блока основной и главнейшей. Одно из

самых 'примечательных его стихотворений, написанных в дни революции 1905 года и вдохновленных ею, – «Осенняя воля». В этом стихотворении, за которым последует и огромный по своему внутреннему значению и художественному совершенству цикл «Родина», глубоко сказались те переживания и раздумья поэта, которые придали его лирике новые и необычайно важные черты.

Вся та же, прежняя, а вместе с тем и совершенно иная красота родной земли открылась поэту в самой неприметной для «иноплеменного взора» равнине, не поражающей ни яркими цветами, ни пестрыми красками, спокойной и однообразной, но неодолимо привлекательной в глазах русского человека, как это остро почувствовал и передал поэт в своем стихотворении:

Выхожу я в путь, открытый взорам,
 Ветер гнет упругие кусты,
 Битый камень лег по косогорам,
 Желтой глины скудные пласты.
 Разгулялась осень в мокрых долах,
 Обнажила кладбища земли,
 Но густых рябин в проезжих селах
 Красный цвет зареет издали... [23, с. 18].

Казалось бы, все однообразно, привычно, издавна знакомо в этих «мокрых долах», но в них поэт увидел нечто новое, неожиданное и словно перекликнувшееся с тем мятежным, молодым, задорным, что он почувствовал в себе самом; в строгости и даже скудности открывшегося перед ним простора он узнал свое, родное, близкое, хватающее за сердце – и не смог не откликнуться на алеющий перед ним красный цвет рябины, зовущей куда-то и радующей новыми обещаниями, которых дотопе не слышал поэт. Вот почему он испытывает такой небывалый подъем

внутренних сил, по-новому возникла перед ним прелесть и красота полей и косогоров родной земли: Вот оно, мое веселье, пляшет

И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав. [23, с. 55].

Перед ним возникают настоящие леса, поля, косогоры, его манит пропадающий вдали путь. Именно об этом с какой-то вдохновенной радостью, светлую грустью и необычайной широтой, словно вмещающей весь родной простор, говорит поэт в своей «Осенней воле»:

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив моих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Чувством, опаляющим сердце поэта и его творчество, неизменно примешивающимся к каждой мысли, к каждому переживанию, становится, помимо любви к Родине, и любовь к матери. Матери, в подвиге сына которой видится сияние самого солнца, и пусть этот подвиг стоит сыну всей жизни – сердце матери переполняет «золотая радость», ибо сыновний свет победил окружающую мглу, царит над ней:

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

Его лирика стала сильнее его самого. Буквально те же глобальные чувства и переполняли сердце Игоря Живагина на протяжении всего его творчества:

волшебное виденье оборачивается к нам, то одним, то другим ликом, прежде чем предстать в своей единосущной и нераздельной ценности:

Александр Блок:

Как часто плачем – вы и я
Над жалкой жизнью своей!
О, еслиб знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней! [7, с. 31].

Игорь Живагин:

Я вынес муки на своих плечах,
Исполнил все желания твои,
Что б только не померкла при свечах
Единственная ночь моей любви. [21, с. 3].

Важно отметить, что трагизм в Блоковской поэзии исторически понятен и психологически объясним: в ней отразился личный опыт искреннего, мучительного переживания той трагедии, которую переживала вся Россия, придавленная царизмом и церковью, барами и чиновниками, толстосумами и мироедами. Жизнь и творчество Живагина так же отражает катастрофическое, историческое и социальное положение Украины – находящаяся на пути к независимости, постоянно ударяющаяся «о камни» политических жестов.

Отчаянье, порою тучей наплывавшее на Блока, и ярко чувствующееся в поэзии Игоря Живагина, не вычеркнуть и не стереть. Однако для верного исторического понимания личности, характера и судьбы поэта значение решающее имеет другое – его вера в будущее, в перемены, и надежда на справедливый приговор потомства.

Игорь Федорович жил и трудился с свойственной ему энергией, после работы записывал то, что было с ним в частности с детства: стихи, в большинстве лирические, которые выливались из его доброй, щедрой богатой чувствами и эмоциями души. Его стихи – это кричащая исповедь в поэзии. В сопоставлении с Александром Блоком можем сказать что, настоящий поэт начинается, как только в нем встрепенется душа и он обретает ту лирическую дерзость, которая позволит ему вырваться из плена запомнившихся чужих напевах и сотворить свою гармонию.

Поэт – не просто слагатель благозвучных песен, но искатель и провозвестник абсолютной и безусловной истины, и дело его понимается как служение во имя некоего высшего начала, долженствующего победить ложь неправильно устроенной жизни и проложить людям путь в прекрасное будущее. Поэзия Игоря Живагина излучает высокий и яркий свет любви и печали, красоты и надежды.

Обращаясь к конкретной теме мы сможем более детально проследить и прочувствовать проблему, которую Игорь Живагин раскрывает в близком родстве с Александром Блоком.

Человечность, дышащая в его стихах и находящая в них различные формы художественного воплощения, пребывает в явном согласии с Божественным началом, где ярко индивидуализированный образ женщины получает свое наиболее законченное развитие. Тема любви волновала поэта на всем протяжении его творчества. Любовь – прекрасное чувство, дар, которым Бог наградил людей. Она приносит радости и переживания, счастье и страдания всем живущим в этом мире. Любовь, сердечная привязанность приходит к каждому. Это не зависит от человека, чувство предопределено свыше. Любовь воспевалась веками всеми поэтами, писателями и простыми людьми, ведь она удивительна и знакома всем. «Любовь тем и ценна, что награждает и недостойных. Для достойных на земле много наград, а для недостойных судьба приберегла одну лишь любовь» (Р. Тагор). И ее достаточно для счастья. Такую радость мужчине может принести только

женщина. А. Блок уважал и восхищался женщиной. Любая женщина являлась для него воплощением чувства, существом, рожденным для любви.

Было бы странно, если у такого поэта, как Живагин, тема любви не проявилась бы в самом раннем творчестве. Правда, надо заметить, раннему Живагину земные страсти не приносили удовлетворения. Молодой поэт искал спасения в любви «божественной». Идеал поэта воспевался в стихах «туманных».

Более глубокие чувства появляются у него в стихотворениях из сборника «Агония Любви» рожденных страстными отношениями, всецело захватившими поэта. Влюбленный и само собой поглощенный этой любовью, поэт находит в ней полное совершенство, «Владычицу вселенной». Реальные черты представляются ему небесными и божественными. Себя Живагин видит в образе рыцаря. А свою жизнь он мыслит как молитвенное служение возлюбленной:

Куда не гляну – всюду ты.
Кругом любви твоей приметы,
Твои закаты и рассветы,
Под ореолом красоты.
Куда не гляну – всюду ты.
Твои протянутые руки –
Залог бессилия разлуки
И поражение клеветы.
Куда не гляну – всюду ты.
Твои глаза, как наважденье,
В них и тоска, и осужденье,
Реальность жизни и мечты.
Куда не гляну – всюду ты. [23, с. 15].

Стихи о любви по характеру, скорее, напоминают торжественные гимны и молитвенные песнопения. Поэт забывает о земном и весь устремлен к небесному. Современники считали, что такое восприятие любви, вместе с увлечением поэтом мистикой в реальной жизни, во многом стало причиной сложнейших отношений .

Все в его лирике «робко и темно», зыбко и туманно, подчас неуловимо: только намек весны, только клочок светлого неба, какие-то отблески. Кажется, поэт, глядя на мир, видит прекрасную сказку, уносящую его на другую планету, далекую планету Любви:

В поднебесную высь
Уносился душою,
На земле оставлял
Неотчетливый след
Точно призрак бродил
Я во тьме за тобою
И не знал, что в любви
Покаяния нет.
Я не ведал о том,
Как тягучи печали,
Как в знакомых глазах
Отражается ложь.
Я приблизить хотел
Те лазурные дали,
От которых теперь
Только в голосе дрожь... [27, с. 41].

Учитывая вышесказанное, стоит отметить, что примером, и родственным словом, Александр Блок для Живагина являлся еще и моментами проникающими, пропитывающими его поэзию.

Естественно, что призрачности и неопределенности, пронизывающим лирику Блока, соответствовала архаическая, церковная лексика (лампада, ризы, свечи, храм, чертог и т. п.), рассчитанная на эмоциональное восприятие: слезы, сновидения, мечта, таинственный сумрак.

Тем не менее переполнявшие поэта чувства и переживания диктовали ему лирические строки, которые порой перехлестывали через край философских догм, воспринимаемых в то время Блоком в качестве непреложной истины:

Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви...

Здесь уже можно услышать радость ясного света высоко поднявшегося солнца. А сам лирический герой представляет новый, просветленный образ поэта, которому, кажется, что весь мир готов переплавиться в пламени его любви, страсти, мечты, – и он в упоении восклицает:

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

И все же Блок из тех поэтов, в чьем творчестве чувства всегда соотносимы с теми или иными идеями. Новый этап в лирике поэта связан с идеей «мистицизма в повседневности». В стихах этого периода он изображает неприглядные стороны современного города, создавая образы на пересечении двух планов – реального и фантастического. Самым известным стихотворением цикла «Город», где с особой силой прозвучала тема города, враждебного счастью и красоте, стала «Незнакомка»:

Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Среди пьяниц «с глазами кроликов» как видение возникает таинственный женский образ:

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

Молитвенное отношение к Небесной Деве сменяется у поэта естественным чувством земной любви со всеми ее радостями и муками. Наиболее художественно зрелые стихи о любви Блок и создает, когда переходит к трезвому и простому отношению к действительности, осознав, что «мир бесконечно больше и прекрасней, чем каждый из нас».

Мечты и воспоминания об ушедшей любви, несбывшиеся надежды и тоска о минувшем пронизывают еще одно стихотворение Блока «В ресторане», заставляющее вспомнить «Незнакомку»:

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
Идохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Самым удивительным и человечным становится его стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе...», в котором прозвучат отклики семейной трагедии самих Блоков. Поэтические строки, ставшие пронзительным прощанием с любовью и молодостью. Стихотворение, казалось бы, на самый банальный сюжет: он любит ее до самозабвения, но она уходит – и он

смиряться, крутятся в «проклятом рое» жизни, но не может забыть ее, зовет, но все напрасно. «Все миновалось», и остается только убрать со стола заветный портрет.

Особая привлекательность лирического героя проистекает от того, что любимая женщина заставляет его забывать не о горестях и бедах, а о подвигах и славе – и это красноречиво говорит нам о том, чем полна его душа. Но не менее привлекателен и образ женщины, в которой сквозь всю ее непреклонность не наблюдается торжества победительницы:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Надо сказать, что наряду со стихами о трагической любви, об униженных и оскорбленных чувствах, о разрушенной жизни Блок в эти же годы пишет и стихи о большой любви, возрождающей человека:

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.
Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

При всех сомнениях и отклонениях его поэзия любви была, по собственному признанию Блока, «прямой, как стрела». Она раскрывала подлинные человеческие чувства, реальные драмы любви, была глубоко гуманистической лирикой. И все же когда речь заходит о Блоке, для меня прежде всего встают гипнотизирующие строки о чудесной и невозможной встрече с женщиной, явившейся словно из преданий и сказок:

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

Таким образом можем сделать вывод о том, что творчество Александра Блока оказало огромное влияние на взгляды и мировосприятие Игоря Живагина, которое выражено в его поэзии.

2.2. Особенности художественного воплощения и интерпретации поэзии Александра Блока Игорем Живагным.

Русская поэзия серебряного века, творчество А. Блока в частности оказали значительное явное и яркое влияние на творчество житомирянина Игоря Живагина (24.06.1950 – 1.07.1997). Поэтическое наследие И. Живагина и велико, и разнообразно: многочисленные сборники, изданные при жизни, и значимые издания в память художника слова с абсолютным слухом и чувством слова сегодня не потеряли актуальности, о чем свидетельствуют живагинские вечера поэзии, вечера памяти, вечера любовной лирики. Не смотря на то, что его лирика достаточно традиционна, претенциозна и несколько «старомодна», – она цепляет, волнует и продолжает побуждать «чувства добрые» [30, с. 95].

Своеобразие живагинского стиха в его неизменности и вечности чувств, которыми дышат его лирические миниатюры. Чувства лирического героя находят в них различные формы художественного воплощения и интерпретации, в которых центральным и неизменным, можно без преувеличения сказать, – стержневым был и остается образ Её Величества Женщины, который стремится к своему законченному совершенству.

Интенции творчества И. Живагина и А. Блока, можно сказать, параллельны, влияние последнего – бесспорно. Житомирянин так же как и петербуржец сделал собственную жизнь искусством, а искусство – целью и смыслом жизни, сотворив стихи, навеянные ностальгическими видениями прошлого, но осовремененные, понятные, общечеловеческие, доступные и также волнующие, как и век назад.

Блоковская зарисовка 1912 года:

Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи ещё хоть четверть века –
 Всё будет так. Исхода нет.

и ее прямая живагинская аллюзия 1993-го:

Пустеют улицы. Выходят фонари
 В свою обычную, всегда ночную смену.
 И я на воздухе побуду до зари,
 Вот только куртку от дождя надену. [21, с. 32].

Улица и фонарь в перепеве И. Живагина – это не столько и не только художественная реминисценция, сколько камертон, звучание которое неизменно на протяжении столетия. Кроме прямых образных параллелей (улица, фонарь), автор применяет стилистические фигуры, восприятие которых доступно уже читателю подготовленному, компетентному. Живагин в частности пишет: «И я на воздухе побуду до зари» – что является эвфемистской заменой блоковского слова «Ночь». Явные и аллюзорные параллели блоковских мотивов не обедняют и не умоляют живагинский образный мир. Автор имеет собственный почерк и характер, который, по сути, восстанавливает литературную многовековую традицию, взаимоотношения учителя – ученика (вспомним неизвестного автора «Слова о полку Игореве» и его учителя Бояна!)

Поэзия Игоря Живагина наполнена глубоким содержанием. Образы рожденные из сплетения личного опыта и внутренних переживаний достигает ответственного влияния на читателя, наполняет души людей теми высокими чувствами, которые помогают подняться над серыми буднями, вспомнить про свои самые яркие чувства и ощущения, обратить внимание на то доброе и прекрасное, что заложено в каждом человеке с детства, и что может испортить наш современный, грязный мир. Лирика Игоря Живагина не сводится к простому выражению человеческих чувств, она

перевоплощением блоковского образа цветка, в котором мы видим страсть, загадку и даже сумрачную иллюзию красоты:

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Образ тумана, так же привлекает внимание читателя. Блок не избегает традиционной метафорической трактовки этого образа – как символа неопределённости, неясности положения с оттенком тревожно- томительного предчувствия бед и невзгод. Туман у Блока часто синонимичен слову «обман», выступая рядом с ним, закрепляясь в этом качестве рифмой, явно смысловой:

Этот воздух так глубок,
Так заманчив обман
Уводи переулочек,
В дымно-сизый туман.

Но всё – притворство, всё – обман:
Взгляни на верх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидешь ты предвестье бури –
Кружащийся аэроплан. [7, с. 356].

Житомирский поэт воплощает образ тумана как символ страшной пелены, которая покрывает все явные, искренние, светлые чувства:

Рваные клочья тумана
Над горизонтом неслись.
Точно небесная манна
Медленно падала вниз.
Облако краем касалось
Дальней верхушки сосны.
И почему-то казалось –
Осень дороже весны. [26, с. 17].

Но в то же время, в стихотворении Александра Блока образ тумана является носителем светлого начала и даже символом счастливого будущего:

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

Зеркальное отражение, словно символ душевного лекаря приобретает образ тумана у житомирского гения:

Я туману отдам свои боли и страхи.
И молитвой своей разгоню облака.
Я счастливым к утру обязательно стану,
Если ночью до звёзд не достанет рука...

Тонкость и изящность лирики Блока проявлялась даже в самых мельчайших и на первый взгляд неприметных образах, например образ скрипки звучанье которой для автора имеет огромное значение, в некой степени характеризующий девушку.

Я вижу блеск, забытый мной,
 Я различаю на мгновенье
 За скрипками – иное пенье,
 Тот голос низкий и грудной

Игорь Живагин в след за Блоком, окунаясь в мир музыкальных инструментов вводит образ рояля, который становится женским вдохновением и иллюзией спокойствия:

Волнуемая звуками рояля,
 Ты в мыслях уносила далеко
 И редким откровением пленяла,
 Справляясь с предрассудками легко.
 Тебе слова любви напоминали
 Тот скромный и загадочный мотив,
 Который у заветного рояля
 Ты слушала дыханье, дыханье затаив. [21, с. 23].

Первые два десятилетия XX века ознаменованы в творчестве Блока напряженными поисками нового мировоззрения и новой художественной концепции. В эти годы один из центральных образов его поэзии и важнейший компонент его «картины мира» – ночь. Тема ночи постоянно звучит во многих его стихотворениях, она фигурирует в названиях сборников стихов (так, свой 4-й сборник поэт назвал «Ночные часы» (1911), а первоначальное название 3-го тома Собрания стихотворений было «Снежная ночь»). Однако, несмотря на то что в эти годы Блоком еще владело чувство исторической безысходности, в его творчестве все с большей силой и отчетливостью звучит мотив преодоления «ночного» мира. В предисловии к 3-й книге Собрания стихов Блок писал: «Я хотел бы, чтобы читатели видели

в ней не одни глухие ночные часы, но и <...> первые сумерки утра». В стихах, речах, статьях того времени все чаще звучат мотивы «утра», «рассвета», «обетованной весны». Особенно ярко мировоззрение Блока той переломной для него поры представлено в его стихотворении «Шаги Командора» (1910 –1912). Оно было написано по мотивам общеевропейской легенды об испанском дворянине, безбожнике и распутнике, который обольстил вдову Командора и поплатился за это жизнью [30, с. 132].

В этом стихотворении царит ночь, символ враждебной человеку действительности, зло, господствующее над миром. «Страх познавший» и «изменник» Дон Жуан – порождение и орудие ночи. Его мир охвачен холодом и пустотой. Это – «глухой» мир: Холодно и пусто в пышной спальне, Слуги спят, и ночь глуха. У Блока «глухота» – основная характеристика бездушной и бездуховной современности и современных людей, которые неспособны услышать музыку – динамическое светлое начало, творящее Культуру. Современность с ее механической Цивилизацией чужда духу Музыка. В пустом безжизненном мире слышны лишь механические звуки: Пролетает, брызнув в ночь огнями Черный, тихий, как сова, мотор Однако действительность, описываемая Блоком, – не статична, она меняется, «слышно пенье петуха», и ночь уже «бледна» и «мутна», она постепенно уступает место рассвету.

Игорь Живагин воплощает образ ночи, как длительного отрезка времени который наполнен тоской об ушедшей любви, о времени, когда страдания и муки овладевают полностью и не хватает сил удержаться. Поэт утверждает, что судьба именно ночью распоряжается нами безо всякой пощады:

Зачем судьба играет нами,
 Как ветер листьями, зачем?
 Неторопливыми ночами
 Тоску не выгонишь ни чем.

Во многих стихотворениях Игоря Живагина присутствует интересный, даже необычайный образ взора, а именно женского взора и её чарующих глаз, как таинственной, манящей силы. Этот образ приравнивается к молнии – яркой стремящейся вырваться и покорить, а иногда даже очаровать или погубить, стихии.

Радости земные проходящи –
 Взор её казалось, говорил...
 В даль потустороннюю манящий,
 Он святую заповедь хранил,
 Молнией стремительной слепящей
 Обжигал доверчивых сердца.
 Радости земные преходящи –
 Радостям небесным нет конца... [23, с. 18].

Это словно контрастный, параллельный ответ на блоковский робкий, неуверенный образ мужского взора, выражающего скромность и оккуратность чувств:

Чуть слежу, склонив колени,
 Взором кроток, сердцем тих,
 Уплывающие тени
 Суетливых дел мирских
 Средь видений, сновидений,
 Голосов миров иных. [8, с. 155].

Превосходный, необыкновенный образ взора, у Игоря Живагина, вводит читателя в состояние ощущения неземной радости. В нём читалось всё происходящее и потусторонняя даль, в которую он взгляд манил,

воспринимается, как даль мечты. Образ молнии приобретает светлый и яркий, в какой-то мере праздный оттенок.

Перед этими глазами я немею,
Не могу двух слов произнести,
Перед этими глазами я не смею
На другие взгляд перевести...

Образ женского взгляда бросает вызов судьбе поэта. Заставляет тонуть в их беспощадной глубине.

Образ Родины пронизывает творчество обоих поэтов. «Теме России я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь» А. Блок «Кругом тонула Россия Блока», – именно так писал в поэме «Хорошо» Маяковский, говоря о явлении, которого ни до, ни после не было. Россия для Блока не просто тема, это целый мир, наделенный своими чертами, заполненный особыми образами и символами. Вновь и вновь поэт возвращается к размышлениям о трагическом прошлом России, о ее историческом предназначении, о ее особенностях, о ее многострадальном народе. Эта тема пришла к автору не сразу – он проникался ею постепенно, преодолевая узость и субъективную ограниченность своих ранних стихов, свершая прорыв в широкий мир, в жизнь эпохи, страны, народа [6, с. 332].

Автор отдает дань и пейзажным описаниям: его влечет прекрасная сторона: Разгулялась осень в мокрых долах, Обнажила кладбища земли, Но густых рябин в проезжих селах Красный цвет зареет издали. Два символа – широкое поле и дорога – в дальнейшем часто определяют блоковское восприятие России. Образы эти многозначны и емки: это и просторы страны, ее приволье и вольность, и ее долгий путь в истории. Первые стихи Блока полны прекрасных, но отвлеченных описаний. Родина представляется герою лишь в грезах:

Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.

Но уже тогда поэт не только изображает русскую природу, предания «старинны глубокой», но и замечает («так я узнал в своей дремоте») «страны родимой нищету». Прошлое России полно трагедий, ее настоящее безрадостно, ее будущее – «в тоске безбрежной». Такова страна, о которой пишет Блок. Но – «как и жить и плакать без тебя»? Поэт верит в будущее родины: «Не пропадешь, не сгинешь ты». В цикле «На поле Куликовом» автор пишет о долгом пути России, пути борьбы, вечного боя:

О, Русь моя? Жена моя?
До боли Нам ясен долгий путь?
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Говоря о Живагине как о поэте гражданине, привлекает образ родного ему края с его природой, которую поэт ставит на одну чашу весов с любовью:

Я утренний Житомир – обожаю,
Люблю встречать над городом рассвет
И долго полусонному трамваю
Глядеть с печалью нежностью вослед.

Стоять люблю у древнего собора
При сказочном мерцании зари,
И чувствовать, как оживает город,
И наблюдать, как блекнут фонари

Едва полоска света пробежала
Стремительно по верхним этажам...
Я утренний Житомир обожаю,
Ему тепло души своей отдам. [27, с. 20].

Игорь Живагин создаёт замечательные образы легко покоряющие хрупкую и нежную душу читателей. Исследуя образную систему поэта мы смело можем сказать, что лишь великий мастер слова может так смело, легко и завораживающе «управлять» обычными словами. В его поэзии оживают и набирают новые значения вечные неповторимые и неиссякаемые образы.

Выводы ко второй главе.

Во второй главе мы исследуем особенности художественной реализации и интерпретации поэзии Александра Блока Игорем Живагиным.

Погружаясь в очаровательный мир поэзии А. Блока, где мы видим его под строгим обличаем поэта- рыцаря, в котором только билось певучее сердце, горела душа, открытая для всех восторгов мира, мы чувствуем её дыхание в стихах И. Живагина. Когда в человеческую душу проникает любовь, могучая сила, движущая мирами, то в ней угасает все случайное, и раскрываются только лучшие её стороны. Этим постулатом и проникнуто все содержание творчества житомирского поэта Игоря Живагина.

Человечность, дышащая в его стихах и находящая в них различные формы художественного воплощения, пребывает в явном согласии с Божественным началом, где ярко индивидуализированный образ женщины получает свое наиболее законченное развитие.

Лирика И. Живагина переполнена и изобилует чувствами и переживаниями, навеянными блоковскими образами, которые в некоторых пассажах повторяли поэтические особенности Метра, в иных – презентуют оригинальный и просветленный образ поэта нового времени, который по-новому воспевал и осмысливал любовь, страсть, мечты. Восприятие поэзии И. Живагина – это реминисцентная лирика высокого уровня, которая дышит свежей страстью, обладает авторскою неповторностью и оригинальностью, наконец, просто весьма чувственна и искренна, а потому имеет на своего вдумчивого читателя.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Поэзия Игоря Живагина – вершина русскоязычной поэзии Житомирщины 1980 – 1990-х., которая наиболее ярко, наиболее полно представляет и презентует как сам период, так саму поэзию русскоязычной Житомирщины.

В поэзии Игоря Живагина воплощены все оттенки чувств, переживаний и страданий человеческой души, поставлены и своеобразно разрешаются извечные человеческие проблемы, среди которых долг и верность, ложь и измена и, наконец, – искушение, а также прочие человеческие слабости. Автор пишет эмоционально, искренне и выразительно, доводя звучание проблемы до гротеска. В основе его творчества лежит повествование о высокой любви в её извечном и глубоком смысле и содержательности.

Следует признать, что поэтический слух Игоря Живагина был безукоризненный... Его лирика, не смотря на ее «приглаженность» достаточно энергична. Современники называли ее поэтической исповедью, откровенной, честной лирической исповедью... И. Живагин не спорил, не протестовал и не оправдывался, он творил свой мир, мир, который оказался более оригинальным, чем некоторых «первопроходцев», чьи творческие метания потерялись на маргинесах поэтического мегатекста. Настоящий поэт начинается там, где он проявляет лирическую дерзость, которая позволила ему вырваться из тенет запомнившихся чужих напевов и сотворить свою гармонию.

Делая вывод, можем сказать, что цель работы – исследовать развитие русской поэзии в Украине, а именно на Житомирщине 1980 – 1990 годов, в частности творчество Игоря Живагина, в котором образы и мотивы Александра Блока нашли новые облики была достигнута с помощью решения поставленных задач. Рассмотрев творчество Игоря Живагина в контексте литературной критики и русскоязычной поэзии Житомирщины, которая творчество Игоря Живагина условно разделяет на два этапа. В одном из них он выступает

как поэт-гражданин:

Всем, чьи сердца
открыты для поэзии,
Стихи нужны,
как воздух, как вода

как поэт-лирик:

Ты одна
Заставила молиться,
Мир иной
Открыв на алтаре,
И в любви
Небесной усомниться
Не позволив
Ни себе, ни мне.

Анализируя восприятие и интерпретацию блоковской поэтики в творчестве житомирянина, отметим, что большая притягательная сила блоковского стиха, могучая внутренняя энергия его ритмов проверены временем. Эти тончайшие, разнообразные музыкальные ритмы волнуют, тревожат, радуют, печалят и воодушевляют тонкую и пронизательную душу нашего современника.

Исследуя особенности художественной реализации и интерпретации поэзии Александра Блока Игорем Живагиным, приходим к выводу о перевоплощении образов и мотивов .

Актуальной тема остаётся, так как о настоящем мастере слова русскоязычной поэзии Житомирщины Игоре Живагине можно говорить исследуя его творчество более глубоко и детальнее

Игорь Федорович жил и трудился с свойственной ему энергией, после работы записывал то, что было с ним в частности с детства: стихи, в большинстве лирические, которые выливались из его доброй, щедрой богатой чувствами и эмоциями души. Его стихи – это кричащая исповедь в поэзии. В сопоставлении с Александром Блоком, можем сказать, что, настоящий поэт начинается, как только в нем встрепенется душа, и он обретает ту лирическую дерзость, которая позволит ему вырваться из плена запомнившихся чужих напевах и сотворить свою гармонию.

Таким образом, русскоязычная поэзия Житомирщины имеет чудесный ореол чистой, искренней любви, помогающей жить, дышать, мечтать. Эта любовь воплощена в строках поэта и в сердцах его читателей. Она, словно яркий, нежный и добрый луч украшает и озаряет поэзию чудесного края – Полесье, в которой ярко прослеживаются ремениценции Александра Блока.

Литература:

1. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение. – М., 1987.
2. Альбеткова Р. И. Теория литературы в системе литературного образования. – М. : Просвещение, 2003.
3. Антоненко Л. «Во имя любви согласен на всё» // Слово і час. – 2007. – № 27. – С. 43–45.
4. Барщаговский А. Жизнь, стоящая того, чтобы жить // Константин Симанов в воспоминаниях современников. – М., 1984. – С. 221–240.
5. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. – М., 1990.
6. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. // Орлов В. Путь поэта. – Ленинград, 1972.
7. Блок А.: Избранные произведения. – К. 1985.
8. Бортников Ю. «И хочу я родиться заново...». Памяти И.Живагина // Вісті (Житомир). – 1997. – № 6.
9. Бройтман С. Л. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. – М., 1997.
10. Бушмин А. С. Об аналитическом рассмотрении художественного произведения. – М., 1997.
11. Венгров Н. Путь Александра Блока. – М., 1963.
12. Виноградов В. Про поезію 90-х // Молода нація. – 1999. – № 12. – С. 76–79.
13. Галич В. Памяти Житомирского поэта // Панорама. – 1999. – № 9. – С. 44.
14. Гаспаров М. Современный русский стих. Метрика и ритмика. – М.: Наука, 1974.
15. Долгополов Л. «Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века. – М. – Л., 1964.
16. Долгополов Л. А. Блок. Личность и творчество. – Л., 1980.

17. Емельянов Л. . Единство исторического и эстетического принципов в литературоведческом анализе. – Л., 1989.
18. Ермилова Е. В. Теория и образный мир русского символизма. – М., 1989.
19. Ершов В. О. Російські письменники в нашому краї // Поліський дивосвіт. – Житомир, 2000. – С. 355–259.
20. Живагин И. Ф. Агония любви. – Житомир : Ленок, 1997.
21. Живагин И. Ф. Во имя любви. – Житомир : Ленок, 1994.
22. Живагин И. Ф. Глазами блаженной души. – Житомир : Ленок, 1995.
23. Живагин И. Ф. Из лирической тетради ... Поэзии // Комсомольська зірка (Житомир). – 1991. – № 7.
24. Живагин И. Ф. Осенний поцелуй. – Житомир : Олеся, 1993.
25. Живагин И. Ф. Под вечным куполом небес. – Житомир : Ленок, 1996.
26. Живагин И. Ф. Прикосновение. – Житомир : Полесье, 2010.
27. Жирмунский В. М. Теория стиха. – Л. : Наука, 1975.
28. Квятковский И. А. Поэтический словарь. – М., 1966.
29. Краснова Л. Поэтика А. Блока. – Львов, 1973.
30. Краткий словарь литературоведческих терминов.. – М.: 2002.
31. Лебединцева Н. Поезія 90-х, новий рівень самоусвідомлення // Слово і час. – 2000. – № 10.
32. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
33. Литературоведение: Справочные материалы. – М., 1988.
34. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. – Л. : Просвещение, 1972.
35. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Семиосфера. – М., 2000.
36. Наследие А. А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. – Тарту, 1981. – Вып. 535.
37. Нова книга І. Живагіна «Под вечнім куполом небес» // Вільне слово. – 1996. – № 8.
38. Поспелов Г. Н., Николаев П. А. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1983;

39. Поэтический строй русской лирики. – Л. : Наука, 1973.
40. Словарь литературоведческих терминов. – М., 1974.
41. Соловьев Б. «Поэт и его подвиг» // Блок А. Стихи о прекрасной даме. – М., 1973.
42. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. – М., 1992.
43. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. – М. : Аспект-Пресс, 1996.
44. Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999.
45. Храпченко М. Б. Собрание сочинений в 4-х томах. – Т. 4. Художественное творчество, действительность, человек. – М., 1992.
46. Чуковский К. И. «Стихи о прекрасной даме» // Блок А. Лирика. – М., 1985.
47. Щербина В. Р. Наука о литературе и проблемы преподавания литературы в школе. // Литература в школе. – № 11 – 2002.
48. Энциклопедический словарь юного литературоведа. – М., 1987.